

художественных форм переключки между польскими поэтами и автором древнерусского памятника.

«Не пристало ли нам, братья, начать старыми («старомодными», старинными) выражениями горестное повествование о походе Игорево, Игоря Святославича! [Нет], начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по [старинному] замыслению Бояна. Ибо Боян, вещий, если в честь кого хотел песнь сложить (вместо того, чтобы следовать «былинам сего времени», так и) растекался мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками... То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои волшебные пальцы на живые струны возлагал; они же сами собой... князьям славу рокотали».⁷

Комментируя эти слова, Д. С. Лихачев совершенно правильно раскрывает сущность этого древнерусского образа Бояна: «Он (т. е. автор «Слова», — С. С.) вспоминает старинного певца — Бояна (XI в.). Боян этот был и создателем и исполнителем своих песен. Он сопровождал свои песни игрой на гуслях. Автор „Слова“ обращается к нему не случайно; он считает его своим предшественником... Но автор „Слова“ не только сопоставляет свое произведение с песнями Бояна, он, в известной мере, и противопоставляет его этим песням. Он отказывается начать свое повествование в старых выражениях, свойственных Бояну, и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени. Чтобы сделать понятным, почему он отказывается от обычных поэтических способов изложения, автор „Слова“ наглядно характеризует искусную, но неприемлемую для него поэтическую манеру Бояна, которого он называет „вещим“, т. е. кудесником, волшебником... В этих прославлениях Боян достиг такого искусства, настолько искусил руку, что под перстами его струны как бы сами собой, без всяких усилий, в „старых словесах“ пели славу князьям».⁸

А. Мицкевич в курсе славянских литератур указывает, что «вещий поэт Боян, о котором вспоминает автор («Слова», — С. С.), нам не известен. Имя его упоминается только в этом памятнике; похвала же автора, относящаяся к Бояну, свидетельствует, что он должен был быть весьма популярным у древних славян». В другом же месте Мицкевич пишет: «... может быть, Боян, а его можно произносить и Баян, является только названием (мифического) божества, которое изображала народная славянская поэзия».⁹ Северин Гощинский отмечает, что «Боян является во всей поэме одной из лучезарных мыслей певца («Слова», — С. С.)». Он, как и Мицкевич, делает предположение, что имя Боян принадлежит не только одному певцу; этим именем обозначали вообще народного певца и одновременно воина.¹⁰

Именно в таком понимании предстает перед нами образ Бояна в стихотворении идиаллика Винцента Реклевского (1786—1812):

⁷ «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 76—77.

⁸ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. 2-е, дополненное. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 58—59. Подобную же трактовку образа дает и Антонина Обрэмбская-Яблоньская («Słowo o wujrowie Jgoga», отдел «Объяснения», стр. 110).

⁹ A. Mickiewicz. Dzieła, стр. 172 и 177. См. комментарий к такому пониманию образа Бояна в работе: Marjan Jakóbiec. Literatura rosyjska w wykładach paryskich Mickiewicza. — Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1956, № 1(14), стр. 88—89.

¹⁰ Sew. Goszczyński. «Wyprawa Jgora na Polowców» Poemat słowiański wydany przez Augusta Bielowskiego. Lwów. Nakładem Franciszka Pillera, 1833. Рецензия: Dzieła zbiorowe. Wydał Zygmunt Wasilewski, t. I. — В серии: «Biblioteka klasyków polskich» pod redakcją Tadeusza Pimego, t. IV, стр. 372.